

Современные особенности и тенденции расселения населения дальневосточных регионов Крайнего Севера России

Егор Е. Чайка¹, Ульяна В. Мизеровская¹

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия*

Получено 6 November 2020 ♦ Принято в печать 3 March 2021 ♦ Опубликовано 31 March 2021

Цитирование: Chaika EE, Mizerovskaya UV (2021) Modern features and tendencies of population settlement in the Far Eastern regions of the Russian Far North. Population and Economics 5(1): 20–39. <https://doi.org/10.3897/popcon.5.e60443>

Аннотация

В статье рассмотрены изменения в территориальном размещении населения дальневосточного Крайнего Севера с учетом общестрановых тенденций и особенностей, характерных для северных территорий. Анализ сосредоточен на периоде 1989–2020 гг., то есть охватывает временной отрезок с момента проведения последней переписи в СССР по настоящее время. Авторы анализируют динамику общей численности населения и его распределение по населенным пунктам разных типов, выявляют слабые места в статистической оценке фактической заселенности северных территорий, определяют сформировавшиеся тренды, в частности концентрацию постоянного населения по южным границам дальневосточных регионов Крайнего Севера и превращение остальных его пространств в территорию преимущественно вахтового освоения. В заключении сделаны выводы о происходящей трансформации системы расселения и связи этого процесса с выявленными тенденциями.

Ключевые слова

региональная демография, Крайний Север России, система расселения населения, миграция населения, Дальний Восток, городские поселения

Коды JEL: J10, J11.

Введение

Трансформационный и демографический кризисы 1990-х гг. ускорили переход к периоду «поздней урбанизации», характеризующейся ростом больших городов за счет потери населения городами более мелких размеров и сельской местности, и привели к значительным изменениям в системе расселения населения на всей территории России. «Поздняя урбанизация» — это эпо-

ха концентрации населения, причем не просто в больших городах, а в больших агломерациях. Вследствие подобной концентрации идет активный процесс вымирания мелких населенных пунктов даже в наиболее густозаселенных регионах европейской части России. На этом фоне Крайний Север с его сверхнизкой плотностью населения и абсолютным преобладанием мелких населенных пунктов оказался наиболее подвержен негативным последствиям указанных выше процессов. В условиях очагового и ленточного расселения, сложившегося в ходе освоения редкозаселенных и труднодоступных территорий, вымирание отдельных населенных пунктов ведет к «сжатию» очага или разрывам в «ленте» и превращению ее в систему отдельных мелких очагов. По сути происходит процесс, обратный пространственному освоению Крайнего Севера в советские годы. Описанные изменения протекают весьма динамично: экстремальные природно-климатические условия Крайнего Севера и относительно недолгая история его хозяйственного освоения обуславливают меньшую «закрепленность» населения и его более высокую мобильность. Этот процесс противоречит заинтересованности властей в стратегическом потенциале данных территорий, а также заинтересованности бизнеса в его экономическом (ресурсном) потенциале.

Наблюдаемые в настоящее время количественные и качественные изменения в системе расселения Крайнего Севера коррелируют с общестрановыми тенденциями, но выражены ярче: происходит обезлюдивание сел и малых городов, сокращение общего количества населенных пунктов, причем с наибольшей отрицательной динамикой количества поселков городского типа. В то же время эти процессы имеют свои особенности, порожденные спецификой Крайнего Севера как территории освоения, например широким распространением вахтовых поселений.

Современная система расселения Крайнего Севера сохраняет наследие советских методов освоения «северной целины»: разбросанные вдоль рек и морского побережья и концентрирующиеся вблизи уже отработанных или еще активно разрабатываемых месторождений полезных ресурсов мелкие населенные пункты (преимущественно поселки городского типа), снабжаемые из административного центра региона. Одновременно с этим на территории Крайнего Севера существуют и порожденные интересами современного крупного бизнеса добывающего профиля вахтовые поселения. При этом первые генерируют постоянный миграционный отток из региона, а вторые — напротив, притягивают население не только из других регионов России, но даже из-за рубежа (правда, на временной основе). Иногда эти два процесса совпадают в пространстве, и тогда возникает парадоксальная ситуация: основанный в соответствии с советской парадигмой развития Крайнего Севера поселок городского типа прекращает свое существование, а на его месте или в непосредственной близости от него организовывается вахтовое поселение¹.

Стоит отметить, что сельские населенные пункты в условиях Крайнего Севера являются чуть более устойчивыми к «миграционному вымиранию» по сравнению с поселками городского типа — по крайней мере та их часть, которая является местом проживания местных малых коренных народов. Этому способствует и тот факт, что в соответствии с Федеральным законом № 399-ФЗ от 06.12.2011 г. даже тем представителям малых коренных народов, которые ведут кочевой образ жизни и, соответственно, ранее не были «прикреплены» к какому-то конкретному населенному пункту, была предоставлена возможность регистрации в одном из поселений, находящихся на их кочевом маршруте. Сделано это было для упорядочивания системы

¹ См. случай вахтового поселка Варандей (Ненецкий АО), основанного на месте расселенного и закрытого в 2000 г. поселка городского типа (ПГТ) Варандей; случай ПГТ Майский (Чукотский АО), располагавшегося вблизи золоторудного месторождения Майское и закрытого в 1991 г. — в настоящее время вблизи месторождения построен современный вахтовый поселок для его освоения; случай упраздненного в 2014 г. поселка (к моменту упразднения уже получившего статус сельского населенного пункта) Усть-Среднекан (Магаданская обл.) как неперспективного населенного пункта при функционирующем вахтовом поселке Усть-Среднеканский и др.

предоставления государственных услуг и различных пособий, которые «привязываются» к месту регистрации гражданина.

Таким образом, современная динамика расселения населения Крайнего Севера обуславливается наследием советской эпохи, интересами крупного бизнеса, этнической составляющей территорий, влиянием негативных демографических тенденций, вопросами администрирования (особенно это касается закрытия или смены статуса поселений), а также стратегическими планами федерального центра.

Комментарии к объекту исследования

Крайний Север России занимает 51% площади страны¹, но заселена эта территория чрезвычайно неравномерно, что связано в первую очередь с историческими особенностями ее освоения.

В долготном отношении выделяются три субрегиона Крайнего Севера: европейский Север, Север Сибири и дальневосточный Север. Промышленное — а это, прежде всего, значит «оседлое» — развитие граничащий с Западной Европой европейский Север начал гораздо раньше Сибири и Дальнего Востока: когда в конце XIX – начале XX вв. там интенсивно рос экспортный лесопромышленный комплекс, Север России за Уралом продолжал традиционно заниматься охотой и рыболовством, предполагавшими скорее кочевой, чем оседлый образ жизни. Строительство начатой еще в царские времена железной дороги до Мурманска, прокладка Беломорско-Балтийского канала, Северо-Печорской и Сорокско-Обозерской железнодорожных линий, а также стремительное развитие незамерзающего порта Мурманска обеспечили Европейскому Северу в XX в. дополнительные стимулы развития.

Сибирский и дальневосточный Север начали промышленное и инфраструктурное развитие только в эпоху советской власти, то есть менее века назад. Крайний Север Сибири в данном случае оказался в более выгодном положении: еще в конце 1940-х гг. в рамках осуществления амбициозного транспортного проекта по строительству Трансполярной магистрали там были проложены первые железнодорожные ветки, которые позже послужили основой для сооружения железнодорожного каркаса сибирского Севера, последовавшего за активным освоением его нефтегазоносных ресурсов в 1970-е гг. Нефть как главный экспортный товар страны на долгие годы сосредоточила экономические интересы в освоении Крайнего Севера преимущественно в его Сибирском субрегионе.

Если же говорить о дальневосточном Крайнем Севере, то даже сейчас отдельные железнодорожные линии существуют только на территории Сахалина и в южных районах Якутии (при этом в последнем случае они появились сравнительно недавно — до Якутска линию довели менее десяти лет назад). Это делает систему расселения на Крайнем Севере Дальнего Востока еще менее устойчивой, чем в его Сибирском и Европейском субрегионах, так как многие населенные пункты являются более жизнеспособными и функциональными вблизи таких «твердых связующих». Транспортное развитие способствует появлению мелких населенных пунктов — разъездов, остановок, — которые впоследствии могут вырасти в более крупные территориальные единицы, а также снижает издержки и развивает логистику доставки грузов. Дальневосточный Север в настоящее время в большинстве своем не может воспользоваться подобными положительными эффектами. Более того, труднодоступность дальневосточных регионов Крайнего Севера повышает транспортные издержки на все виды доставляемой про-

¹ В данной работе под Крайним Севером подразумеваются только территории непосредственно Крайнего Севера без учета приравненных к ним.

дукции. При этом важно понимать, что логистика перемещения грузов выглядит следующим образом: сначала доставка происходит в административные центры субъектов, затем в районные центры, далее — в мелкие населенные пункты. Это значительно снижает возможности диверсификации транспортных потоков, приводит к цикличности завоза продукции и периодическому дефициту отдельных ее видов, что, в свою очередь, ведет к удорожанию проживания на данных территориях и снижает жизнеспособность мелких населенных пунктов.

Таким образом, сложившиеся тенденции в динамике системы расселения населения дальневосточного Крайнего Севера обусловлены не только его «северным» положением как таковым, но и существенными отличиями от остальных территорий Крайнего Севера России. Все перечисленные особенности северных территорий здесь проявляются наиболее ярко вследствие того, что общая периферийность регионов Крайнего Севера на Дальнем Востоке усугубляется: территории находятся в периферийном положении и по отношению к основной полосе расселения России, и к ее центральным, столичным регионам, и к крупнейшим транспортным артериям. При этом плотность населения на севере Дальнего Востока вследствие его меньшей пространственной и исторической освоенности в сочетании с огромной площадью территории достигает минимальных значений по стране в целом. Именно поэтому «северные» тенденции в динамике численности и размещения населения здесь выражены гораздо острее, чем на остальном Крайнем Севере России.

Обзор литературы

Теоретической базой данного исследования послужили преимущественно работы российских исследователей Севера. Количество релевантных зарубежных работ ограничено в связи с тем, что в фокусе их интересов оказывается прежде всего европейский Крайний Север России, наиболее близкий к странам Скандинавии и имеющий схожие с ними природно-климатические условия и историю освоения.

Главными исследовательскими вопросами в этой области являются выделение основных этапов в развитии российского Крайнего Севера и Арктики, а также сложность определения четких границ зоны Крайнего Севера [Безруков, 2015; Зиновьев, 2016]. В целом выделяются три этапа развития: имперский, советский и современный; при этом каждый из этапов имеет свои подэтапы. На протяжении этих периодов понимание Крайнего Севера разнилось в связи с применением различных критериев выделения данной зоны: от природно-климатических и географических до социально-экономических.

Отдельные работы посвящены демографическому развитию России с рассмотрением частных случаев Дальнего Востока или Крайнего Севера [Вишневский и др., 2017; Мкртчян, 2004], другие полностью посвящены демографии Дальнего Востока [Население Дальнего Востока..., 2018] и Крайнего Севера [Шапаров, 2019]. Во всех подобных исследованиях обосновываются два существующих вектора миграции: «восток — запад», включающий перемещение населения Дальнего Востока в европейскую часть страны, и «север — юг», который состоит в продолжающемся миграционном оттоке населения с территорий Крайнего Севера на «материк» — территории основной полосы расселения.

В исследованиях, посвященных особенностям размещения населения России [Чучкалов, Алексеев, 2019; Обедков, 2019; Фаттахов и др., 2019], отмечается общее снижение количества поселков городского типа, превращающихся в сельские населенные пункты, описаны особенности агломерационных процессов, а также северные черты систем городского расселения [Обедков, 2018; Фаузер и др., 2018; Лажнецов, 2018]. К последним относятся высокий уровень урбанизации территории, минимальное число сельских населенных пунктов, высокая роль

регионального центра. Важным общим трендом всей системы расселения России является постепенное сжатие социально-экономического пространства, его уплотнение [Сжатие..., 2010]. В то же время заслуживают внимания и исследования, затрагивающие особенности дальневосточного Крайнего Севера [Леонов, 2017; Кумо, Литвиненко, 2019; Kumo, Litvinenko, 2019], в которых на примере арктических территорий показаны ошибки советского метода освоения региона. Характеризовавшийся равномерностью размещения производительных сил, этот метод опирался на масштабную государственную поддержку и большие финансовые и ресурсные вливания. Экономия при таком освоении «вширь» достигалась именно на эффекте масштаба при развитии территориального производственного комплекса. При этом постоянные монопрофильные (ориентированные на добычу полезных ископаемых) поселения связывались с помощью трасс и многочисленных баз. Такая система освоения полностью сошла на нет ввиду неэффективности при переходе к рыночной экономике.

Косвенно система расселения населения затрагивается при анализе экономического развития северо-восточных территорий [Гальцева и др., 2020]. В некоторых научных работах [Пилысов, Замятина, 2019; Потенциал..., 2014] также исследуется проблема смены парадигмы развития Крайнего Севера, заключающаяся в снижении необходимости размещения постоянных населенных пунктов на территории Дальнего Севера, а также рекомендуются различные зарубежные модели развития Севера для европейской, сибирской и дальневосточной его частей.

Среди исследований зарубежного Севера и Арктики выделяются работы, сравнивающие схожие по природно-климатическим условиям зоны Севера России с США и Канадой, в частности с Аляской [Арктические города, 2020; Благодетелева, 2017]. Зарубежные Крайний Север и Арктика также являются высокоурбанизированными зонами, однако доля городского населения в них меньше, чем на российском Севере. В то же время там северные города крупнее и растут, в то время как в России наблюдается обратный процесс. В случае с Аляской и Канадой это связано с другой специализацией городов: они больше ориентированы на добычу нефти и газа, в то время как в России — на горнопромышленный комплекс. Исключением, наиболее похожим на североамериканскую модель, являются города Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, где добываются газ и нефть.

Несмотря на большой интерес к исследованию территорий Крайнего Севера и Дальнего Востока в XXI в., на наш взгляд, недостаточно изученным остается вопрос постсоветской трансформации системы расселения населения данных территорий и ее возможных последствий, чем и объясняется выбор предмета и цели исследования данной работы.

Методика исследования

Исследование охватывает период с проведения последней советской переписи населения (Всеобщая перепись населения 1989 г.) по настоящее время — 2020 г. По отдельным показателям на момент проведения работы были доступны только предварительные данные, в таком случае приводятся значения за 2019 г. Для подтверждения устойчивости и долговременности выявленных тенденций также приводятся динамика отдельных показателей в периоды между двумя прошедшими постсоветскими переписями (Всероссийская перепись населения 2002 г., Всероссийская перепись населения 2010 г.) и более подробный срез на 2020 г.

В работе проведен анализ динамики численности населения и количества населенных пунктов различных типов, расположенных в регионах дальневосточного Крайнего Севера России. Кроме того, отдельно на основе данных Росстата рассмотрены основные характеристики миграционных потоков на указанной территории. Сведения о различиях в статистической ин-

формации и фактической населенности отдельных населенных пунктов региона были взяты из открытых интернет-источников (новостные порталы регионов и муниципальных образований), а также из официальных документов администрации отдельных административно-территориальных единиц, выложенных в открытый доступ.

Для сопоставимости данных за весь исследуемый период границы административно-территориального деления субъектов РФ и принадлежность к районам Крайнего Севера взяты по состоянию на 2020 г. Таким образом, под дальневосточным Крайним Севером в данной работе подразумеваются: Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), а также районы Хабаровского края (Аяно-Майский и Охотский) и Сахалинской области (Курильский, Северо-Курильский, Южно-Курильский, Охинский и Ногликский).

Опорный каркас расселения населения включает в себя прежде всего городские населенные пункты. Особенно это касается районов Крайнего Севера, отличающихся высоким процентом урбанизации вследствие трудностей ведения сельского хозяйства в местных климатических условиях и преобладания в базовом секторе местных населенных пунктов специализации — часто даже моноспециализации — на добывающей промышленности. В связи с этим для максимально наглядного отображения пространственной динамики системы расселения населения авторы данной работы используют картографическое отображение. В качестве инструментария построения карт была использована свободно распространяемая геоинформационная система QGIS Desktop 3.10.12. В качестве основы применялась свободно распространяемая цифровая карта России в региональном разрезе с портала GADM¹.

Результаты исследования и их обсуждение

Усиление разреженности расселения и изменение структуры типов населенных пунктов

Опорный каркас расселения населения дальневосточного Крайнего Севера продолжает истончаться, несмотря на то что кризисные 1990-е гг., породившие сверхбыструю миграционную убыль населения северных регионов, остались далеко позади (см. рис. 1). Особенно это заметно в Чукотском АО, Камчатском крае и Республике Саха (Якутия), где исчезновение значительного количества ПГТ по северным границам регионов более четко обрисовало южные очаги расселения.

Преимущественно очаговый характер размещения был присущ Крайнему Северу и ранее, но за рассматриваемый период разреженность и малонаселенность этих очагов стала заметнее (см., например, отображение территории Якутии). В Магаданской области более четкими стали «ленты» размещения мелких городских населенных пунктов: они тянутся вдоль рек и небольших ручьев, вблизи которых осуществляется добыча россыпного золота и проходит федеральная автомобильная дорога Р504 «Колыма». Отдаленные от этих «лент» ПГТ исчезали с карты городского расселения региона в первую очередь.

Тенденция к концентрации населения в северных регионах совпадает с общестрановой динамикой (см. табл. 1). По России в целом наблюдаются небольшой рост числа городов, относительно небольшое (по сравнению с их общим количеством) сокращение сельских населенных пунктов (СНП) и глобальное «вымывание» из системы расселения поселков городского типа. Однако, как уже было отмечено выше, в случае Крайнего Севера России и особенно Крайнего Севера Дальнего Востока последствия подобных процессов ощущаются гораздо острее — вследствие изначальных различий в структуре населенных пунктов по типам и общей

1 GADM maps and data // GADM. URL: <https://gadm.org/index.html> (дата обращения: 20.01.2021).

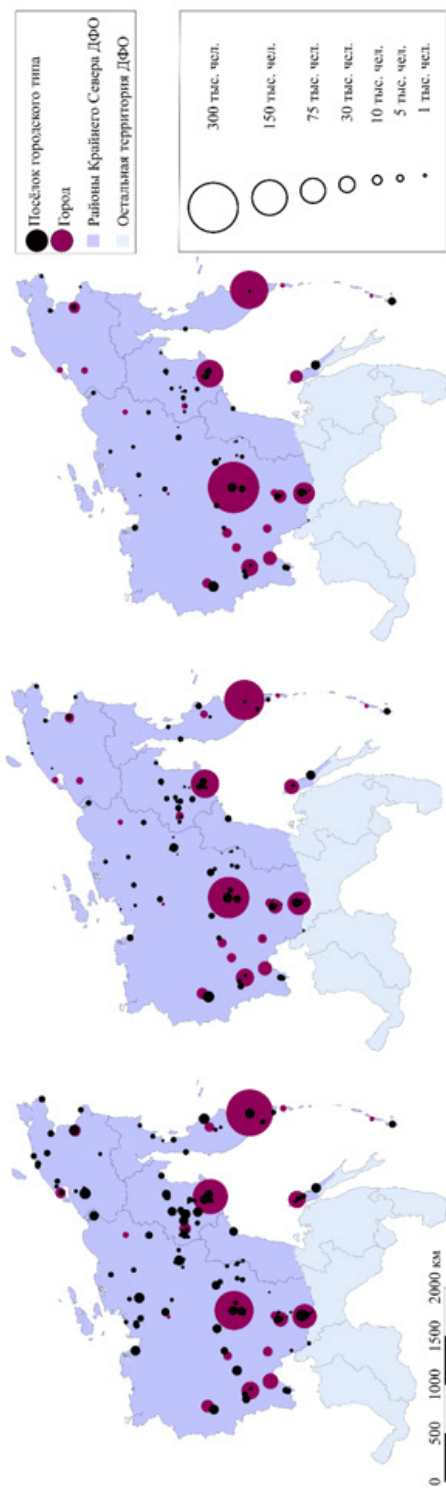

Рис. 1. Изменения в расселении городского населения дальневосточного Крайнего Севера, 1989, 2002 и 2020 гг. (слева направо). *Источник:* построено по данным переписей населения 1989 и 2002 гг. и данным текущего учета населения России за 2020 г.

малозаселенности территории. Значение ПГТ для системы расселения Крайнего Севера гораздо более критично, чем в целом по России: так, если в 1989 г. на долю ПГТ в общем количестве городских поселений страны приходилось 68%, то на Крайнем Севере — до 81%, а на дальневосточном Крайнем Севере на них приходилось 87%. Поэтому несмотря на то, что темпы исчезновения ПГТ с карты Крайнего Севера примерно соответствовали общестрановым (с 1989 по 2020 гг. по всей России в целом количество ПГТ сократилось на 46%, а на Крайнем Севере — на 48%), последствия этого процесса для страны в целом и для Крайнего Севера России (особенно для Крайнего Севера Дальнего Востока) далеко не одинаковы.

Таблица 1. Сравнительная динамика количества городских и сельских населенных пунктов по России в целом, Крайнему Северу России и дальневосточному Крайнему Северу, 2002–2020 гг.

	Россия			Крайний Север			Крайний Север Дальнего Востока		
	Города	ПГТ	СНП	Города	ПГТ	СНП	Города	ПГТ	СНП
1989 г.	1 037	2 192	152 922	53	221	н/д	21	140	н/д
2002 г.	1 098	1 842	155 289	64	167	н/д	25	111	901
2010 г.	1 100	1 286	153 124	62	127	н/д	24	81	828
2020 г.	1 116	1 177	153 356	62	115	н/д	24	74	809
<i>Динамика 1989–2020 гг.</i>	7,6%	–46,3%	0,3%	17,0%	–48,0%	н/д	14,3%	–47,1%	н/д

Источник: составлено и рассчитано по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. и данным текущего учета населения России за 2020 г.

Основание ПГТ на северных территориях Дальнего Востока происходило преимущественно вблизи месторождений полезных ископаемых, в более редких случаях — вблизи морского побережья. Основанные населенные пункты в большинстве случаев являлись рабочими поселками и были ориентированы на разработку месторождений золота и серебра (Магаданская область — ПГТ Дукат, ПГТ Бурхала и др., Чукотский АО — ПГТ Бараниха, ПГТ Алискерово и др., Республика Саха — ПГТ Усть-Нера, ПГТ Звездочка и др., Камчатский край — ПГТ Оссора и др., районы Крайнего Севера Хабаровского края — ПГТ Охотск), нефти и газа (районы Крайнего Севера Сахалинской области — ПГТ Нефтегорск, ПГТ Ноглики), угля (Магаданская область — ПГТ Кадыкчан и др., Республика Саха — ПГТ Зырянка, ПГТ Сангар и др.), алмазов (Республика Саха — ПГТ Алмазный и др.). Многие такие поселки впоследствии превратились в поселки городского типа, а некоторые даже стали городами (как, например, г. Мирный в Якутии, который также был основан как рабочий поселок, а в 1959 г. получил статус города).

Однако населенные пункты, ориентированные на добычу сырья, являются неустойчивыми ввиду исчерпаемости ресурсной базы, что ведет к их ликвидации или смене статуса на сельский населенный пункт, лишь ненадолго продлевающей их жизнь. В 1989 г. на территории дальневосточного Крайнего Севера насчитывалось 140 ПГТ. К 2020 г. их количество сократилось почти в два раза (до 74, среди которых 8 ПГТ с нулевым населением, то есть фактически только формально числящихся постоянными населенными пунктами). При этом снижение числа ПГТ было вызвано их ликвидацией, превращением в сельские населенные пункты, превращением в города либо слиянием с другими населенными пунктами (см. табл. 2).

Таблица 2. Сокращение числа ПГТ в регионах дальневосточного Крайнего Севера с 1989 по 2020 гг., по причинам

Регион	1989 г.	2020 г.	Ликвидировано	Преобразованы в СНП	Преобразованы в город	Слияние
Магаданская область	34	23	6	5	–	–
Чукотский АО	18	5	10	1	1	1
Республика Саха (Якутия)	67	41	12	10	2	2
Камчатский край	12	2*	1	9	–	1
Районы Крайнего Севера Сахалинской области	8	2	1	5	–	–
Районы Крайнего Севера Хабаровского края	1	1	–	–	–	–
Всего по Крайнему Северу Дальнего Востока	140	74	30	30	3	4

*Примечание: В статистическом учете появился военный ПГТ Вулканный, ранее не фигурировавший в данных.

Источник: рассчитано и составлено по данным переписи населения 1989 г. и данным текущего учета населения России за 2020 г.

Население из закрытых ПГТ, если не уезжает из районов Крайнего Севера насовсем, в основном переселяется в административные центры субъектов или городские населенные пункты, которые имеют перспективы развития. Как правило, к последним относятся те, базовая отрасль которых не скоро перестанет функционировать, что в случае с добывающими населенными пунктами обусловлено большими запасами разрабатываемого месторождения.

Чуть более устойчивы «прибрежные» ПГТ (например, ПГТ Тикси, ПГТ Провидения и др.), так как они зачастую имеют смешанный профиль специализации и одновременно являются морскими портами и центрами рыбного промысла. Такой формат меньше способствует удержанию внутреннего населения, нежели добывающая специализация, однако более устойчив во времени ввиду возобновляемости морских биоресурсов и важности поддержания морских путей, стоянок и портов.

Что касается сельских населенных пунктов Крайнего Севера Дальнего Востока, то здесь относительно небольшое по сравнению с ПГТ суммарное сокращение их количества неравномерно проявляется по регионам. Так, в 2002–2020 гг. количество СНП в целом по дальневосточному Крайнему Северу сократилось на 10,2%, но при этом в Республике Саха (Якутия) и Камчатском крае отрицательный прирост составил чуть более 1%, в то время как в Магаданской области за этот период исчезла почти половина всех сельских населенных пунктов (см. табл. 3).

Отметим, что 40% сел и поселков Магаданской области обладают нулевым населением, а еще 20% — населением менее 50 человек, включая те, население которых значится только на бумаге (так, в с. Чайбуха на 1 января 2020 г. было зарегистрировано 44 жителя, но фактически, как следует из опубликованных данных муниципального образования, они там не проживали).

Таблица 3. Количество сельских населенных пунктов в регионах дальневосточного Крайнего Севера в 2002–2020 гг.

Регион	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Динамика 2002–2020 гг.
Магаданская область	89	55	47	–47,2%
Чукотский АО	57	38	38	–33,3%
Камчатский край	83	82	82	–1,2%
Республика Саха (Якутия)	590	586	582	–1,4%
Районы Крайнего Севера Хабаровского края	35	30	23	–34,3%
Районы Крайнего Севера Сахалинской области	47	37	37	–21,3%
Всего по Крайнему Северу Дальнего Востока	901	828	809	–10,2%

Источник: рассчитано и составлено по данным переписи населения 1989 г. и данным текущего учета населения России за 2020 г.

Миграционное обезлюживание территорий и «южный дрейф»

Официальная статистика продолжает фиксировать сокращение численности постоянного населения дальневосточного Крайнего Севера. Убыль формируется как стабильным миграционным оттоком, так и отрицательными значениями естественного прироста в отдельных его регионах (особенно это касается Магаданской области и территорий Крайнего Севера в Хабаровском крае). При этом вклад миграционного оттока существенно превосходит вклад естественной убыли населения, характерной в последние десятилетия для большинства российских регионов (см. рис. 2).

Самое значимое сокращение населения Крайнего Севера пришлось на кризисные 1990-е гг.: например, численность населения Чукотского АО между переписями 1989 и 2002 гг. сократилась на 67%, Магаданской области — почти на 54%, а Камчатского края — на 24% (см. рис. 3). Несмотря на замедление темпов обезлюживания территорий (суммарное сокращение населения Крайнего Севера Дальнего Востока в 2010–2019 гг. составило чуть более 1% населения, в то время как за 1989–2002 гг. убыль достигла почти 27%), в отдельных регионах они все еще очень высоки: так, численность населения районов Крайнего Севера Хабаровского края сократилась за 2010–2019 гг. более чем на 22%, а Магаданской области — более чем на 10%. Только в Республике Саха (Якутия) численность населения за этот период немного увеличилась (на 1%) — за счет стабильно положительного естественного прироста. Однако даже с учетом этого численность населения республики в 2019 г. была на 11% меньше, чем в 1989 г.

Население покидает прежде всего самые «высокоширотные» населенные пункты (см. рис. 1), отличающиеся максимальной удаленностью от административных центров, а значит, и минимальной транспортной доступностью. Это особенно заметно на примере моносырьевых поселков городского типа: чем севернее находится населенный пункт, тем выше вероятность того, что в случае снижения рентабельности его функционирования или полного исчерпания близлежащего месторождения полезных ископаемых он будет полностью ликвидирован без смены статуса на сельский населенный пункт (см. табл. 4), поскольку смена статуса вследствие утери базовой отрасли никак не влияет на логистику доставки продуктов и товаров первой

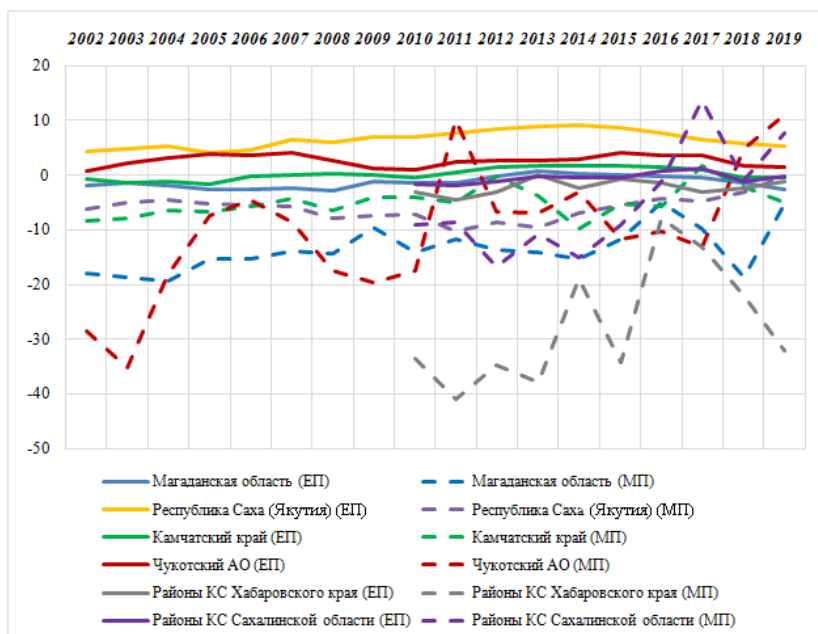

Рис. 2. Сравнительная динамика естественного (ЕП) и миграционного (МП) прироста по регионам Крайнего Севера Дальнего Востока, 2002–2019 гг., %. *Примечание: по районам КС Хабаровского края и Сахалинской области в 2002–2009 гг. данные отсутствуют. Источник: рассчитано и построено на основе информации Базы данных муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики.

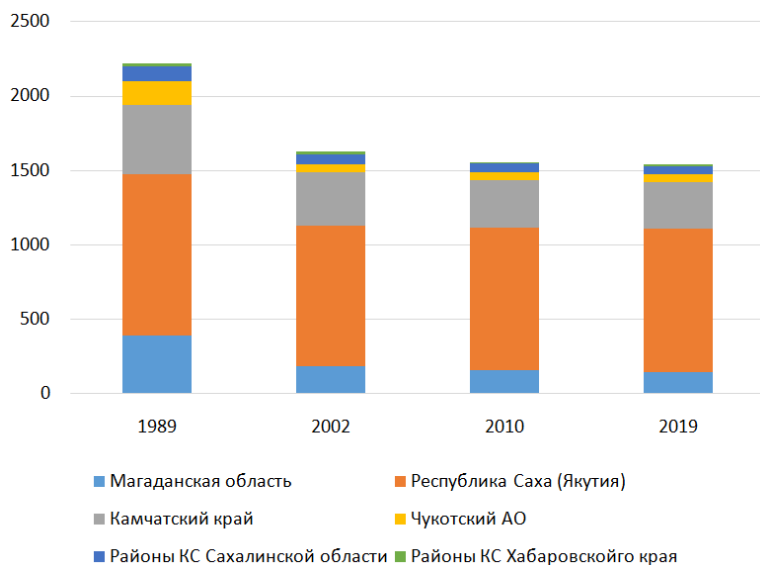

Рис. 3. Динамика среднегодовой численности населения регионов Крайнего Севера Дальнего Востока, 1989–2019 гг., тыс. человек. Источник: рассчитано и построено по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., данным текущего учета населения России за 2020 г. и информации Базы данных муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики.

необходимости и в целом на связь с «большой землей». Оставшиеся ПГТ более северных районов в настоящее время депопулируют гораздо быстрее, чем южные (что отчетливо видно по динамике величины отметок на рис. 1).

Схожая тенденция наблюдается и в отношении сельских населенных пунктов: так, если из 107 сел, расположенных в арктической зоне Якутии, перепись 2010 г. насчитала 11 полностью лишенных населения, то есть фактически каждое десятое, то через 10 лет таких было уже 18, и еще четыре, имея по бумагам население менее 10 человек, по факту также являлись нежилыми [Указ..., 2020].

Таблица 4. Зависимость исчезновения населенных пунктов дальневосточного Крайнего Севера от широты их расположения на примере ПГТ, 1989–2020 гг.

Расположение по широте	Количество ПГТ, 1989 г.	Количество ПГТ, 2020 г.	Количество закрытых и заброшенных ПГТ за 1989–2020 гг.	Доля закрытых и заброшенных ПГТ от количества ПГТ на 1989 г.
ниже 55° с.ш.	12	3	2	17%
55–60° с.ш.	31	16	4	13%
60–65° с.ш.	68	34	18	26%
65–70° с.ш.	20	9	10	50%
выше 70° с.ш.	9	4	4	44%
Всего по Крайнему Северу Дальнего Востока	140	66*	38	27%

*Примечание: без учета все еще существующих на 2020 г. 8 ПГТ с нулевым населением человек (они отнесены к закрытым и заброшенным). Источник: составлено и рассчитано по данным переписи населения 1989 г. и данным текущего учета населения России за 2020 г.

Таким образом, происходит концентрация постоянно проживающего населения в южных частях регионов, своеобразный «южный дрейф» освоенности территорий дальневосточного Крайнего Севера.

Населенные пункты-«призраки» и бум вахтовых поселений

При изучении рисунка расселения населения Крайнего Севера исключительно по данным официальной статистики можно недоучесть довольно важную и весьма специфическую тенденцию в системе расселения данных территорий, о которой было сказано еще во введении, а именно столкновение двух парадигм освоения северных территорий — советской «плановой» и современной «корпоративной». Официальная статистика ориентирована на учет показателей освоения северных территорий по советской модели, то есть на учет только постоянных населенных пунктов и зарегистрированных в них жителей. В результате в настоящее время на карте дальневосточного Крайнего Севера все еще значатся, по сути, уже «вымершие» населенные пункты — ПГТ и СНП с нулевым населением или с сокращающимся населением, достигшим минимальных значений (5–10 человек), что в ближайшем будущем приведет к полному обезлюживанию. С другой стороны, «корпоративное» освоение северных территорий в виде вахтовых поселений, численность населения которых (пусть и

сменяющегося вахтовыми периодами, но тем не менее постоянно держащегося примерно на одних значениях) может достигать тысячи и более человек, что в условиях Крайнего Севера является весьма значимым. В целом Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики оценивает численность вахтовых рабочих в дальневосточных регионах страны в 150 тыс. человек [Гоголев, 2020]. Между тем в официальной статистике распределения населения по населенным пунктам различных типов вахтовые поселения в настоящее время никак не учитываются.

Вахтовый метод заселения северных территорий, популярность которого начала расти с открытием и освоением нефтегазовых месторождений сибирского Крайнего Севера, в настоящее время переживает подъем. Если рассматривать экономику населенных пунктов в разрезе трехсекторной модели Лоури, то есть как сочетание базового сектора, обслуживающего сектора и домашних хозяйств, то вахтовый метод, не предполагающий переселения к месту работы семьи работника, позволяет сэкономить на развитии инфраструктуры населенного пункта за счет исключения из него последнего. Обслуживающий сектор в данном случае также представлен в урезанном виде, особенно в ситуации, когда статус вахтовых поселков практически никак не регламентирован на законодательном уровне: для них не прописаны нормативы развития социальной инфраструктуры, и они, вследствие своей «невидимости» для официальной статистики расселения, слабо вписаны в инфраструктурное обеспечение жизни соответствующих регионов. Эта проблема особенно проявила себя во время пандемии COVID-19, когда медицинская инфраструктура «вахтовых» регионов Крайнего Севера обслуживала в том числе и вахтовиков, на которых она изначально не была рассчитана. Как следствие, в конце 2020 г. вопрос о правовом регулировании функционирования вахтовых поселений был поднят сначала на региональном, в затем и на федеральном уровне.

Вахтовый метод, доказавший свою экономическую эффективность, кроме этого, имеет и другие привлекательные черты: относительно кратковременное пребывание в экстремальных условиях Крайнего Севера (особенно его арктической зоны) менее травматично для человеческого организма. Поэтому в настоящее время северные окраины страны стремительно превращаются в территорию вахтовых поселений. Это ведет к тому, что трудовые ресурсы все больше привлекаются извне, то есть рабочие являются вахтовыми и прибывающими из других регионов России (в основном с территории европейской части). При этом чем труднее и «высокоширотнее» регион, тем более востребованной является концепция вахтовых поселков. Это прослеживается в структуре прибывающего населения. В среднем по России доля прибывающих на срок не более года в 2019 г. составляла 33,9%, по Дальневосточному федеральному округу — 36,4%, в Якутии — 34,8%. В более отдаленных регионах Дальнего Востока эта доля превышает как среднероссийские показатели, так и средние по федеральному округу. В Магаданской области и Камчатском крае она составила 46,6% и 45% соответственно, а своего пика достигла в Чукотском АО — 64% (самый высокий показатель по стране).

Проиллюстрируем расхождение официальной статистики расселения по территории региона с фактической ситуацией на примере. Основой экономики Чукотского АО является добывающая промышленность: в его недрах содержатся запасы цветных металлов (включая богатейшие месторождения рудного и россыпного золота), каменного и бурого угля и углеводородов. Наиболее активно разрабатываются золоторудные месторождения, находящиеся в труднодоступных районах округа, а потому их разработка предполагает функционирование вахтовых поселков в непосредственной близости от рудников (см. табл. 5).

Таблица 5. Вахтовые поселки (ВП) вблизи золоторудных месторождений Чукотского АО

№	Вахтовые поселки	Расположение месторождения	Оператор месторождения
1	ВП месторождения «Купол»	Анадырский район	ЗАО «Чукотская ГТК» (входит в Kinross Gold Corporation)
2	ВП месторождения «Валунистое»	Анадырский район	ООО «Рудник Валунистый» (входит в Highland Gold Mining Ltd)
3	ВП месторождения «Двойное»	Чаунский район	ООО «Северное золото» (входит в Kinross Gold Corporation)
4	ВП месторождения «Майское»	Чаунский район	ООО «Золоторудная компания Майское» (входит в АО «Полиметалл»)
5	ВП месторождения «Каральвеемское»	Билибинский район	АО «Рудник Каральвеем» (входит в группу Auramine Resources)
6	ВП месторождения «Кекура»	Билибинский район	ЗАО «Базовые металлы» (входит в Highland Gold Mining Ltd)
	ВП, обустроенные для подготовки месторождения к промышленному освоению		
7	ВП месторождения «Клен»	Билибинский район	ООО «Клен» (входит в Highland Gold Mining Ltd)
8	ВП месторождения «Песчанка»	Билибинский район	ООО ГДК «Баимская» (входит в KAZ Minerals)

Источник: составлено авторами.

Численность рабочих, проживающих в вахтовых поселках, составляет от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Несколько сотен человек в условиях Чукотки, численность населения которой на 2020 г. составляла порядка 50 тыс. человек, могут существенным образом изменять картину расселения в регионе. Особенно выраженные эффекты могут возникать в отдельных районах, таких например, как Чаунский, где в четырех сохранившихся постоянных населенных пунктах (г. Певек и СНП Айон, Биллингс и Рыткучи) проживает чуть больше 5,3 тыс. человек. При этом список вахтовых поселков Чукотского АО не ограничивается только горнорудными: вблизи Западно-Озерного месторождения газа разрабатывающее его ООО «Сибнефть Чукотка» организовало небольшое вахтовое поселение для смены в несколько десятков человек, ООО «Берингпромуголь» обустроило для своих рабочих вахтовый поселок Альятваам более чем на 100 мест. С учетом того, что 4/5 всех вахтовых работников Чукотского АО составляют «внерегиональные» мигранты, очевидно, что реальная населенность региона на текущий момент гораздо выше, чем показывает официальная статистика: значительную долю в ней занимают постоянно сменяющие друг друга вахты.

Вахтовые поселки, таким образом, в какой-то степени нивелируют наличие на карте Крайнего Севера населенных пунктов-«призраков», то есть ПГТ и СНП с нулевым населением или населением, числящимся лишь номинально. И наоборот, иногда статистически полное обезлюживание населенных пунктов вследствие вахты не является реальным. Например, в Чаунском районе Чукотского АО расположен официально закрытый и расселенный в 1998 г. ПГТ Комсомольский. Тем не менее на интернет-площадках рекрутинговых компаний можно встретить объявления с предложением работы в данном поселке, так как там размещена база ООО «Артель старателей «Чукотка». Похожая ситуация сложилась в

ПГТ Ленинградский Иультинского района, который является базой «Артели старателей «Шахтер». Обе компании занимаются добычей россыпного золота и разрабатывают золотоносные поля, находящиеся в непосредственной близости от данных поселков. Такое использование заброшенных ПГТ можно рассматривать как «бюджетную версию» корпоративных вахтовых поселений.

Заключение

В целом дальневосточный Крайний Север в настоящее время претерпевает трансформацию системы расселения. Демографические и экономические изменения постсоветского периода выявили ее несостоятельность в современных условиях, поэтому нынешние изменения — это своеобразный поиск нового пути. Равномерное развитие территории с отчетливо выделяющимися центрами — городами и поселками городского типа — уходит в прошлое. На смену приходит концепция сохранения отдельных опорных пунктов, преимущественно на территории, приближенной к южным окраинам зоны Крайнего Севера, — более доступной в транспортном отношении и с менее суровыми относительно арктических окраин Крайнего Севера природно-климатическими условиями. В то же время по северным границам зоны Крайнего Севера создаются вахтовые поселения, которые носят чисто утилитарный характер и предназначены не для постоянного проживания, а лишь для разработки месторождений полезных ископаемых.

При этом миграционные импульсы «север — юг» все еще слишком сильны, чтобы перераспределение населения шло только в границах территорий Крайнего Севера: исход на «большую землю», то есть вне северных территорий, начавшийся в 1990-е гг., продолжается. Если в 1990-е гг. он был обусловлен прежде всего кризисной деиндустриализацией и свертыванием программ освоения Севера, то в настоящее время, помимо инерционной составляющей миграционного вектора, также проявляет себя упомянутая выше трансформация системы расселения в сторону расширения вахтового способа хозяйственного освоения территории. Запущенные еще в середине 1990-х гг. программы по переселению населения из районов Крайнего Севера (Постановление Правительства РФ № 700 от 10.07.1995 г.), которые оценивали «лишнее население» дальневосточных северных территорий в 30%, обращали внимание на то, что «лишними» в условиях Севера будут пенсионеры и молодежь, то есть сектор домашних хозяйств, который в настоящее время не представлен в вахтовых поселениях.

Стоит также отметить противоречие между действующими программами по переселению населения из районов Крайнего Севера (ФЗ № 228-ФЗ, Постановление Правительства РФ № 879 от 10.12.2002 г.) и программами по привлечению населения в регионы Дальнего Востока, где к районам Крайнего Севера (без учета приравненных) относятся более 73% территории. Получается, что предпринимаемые российским правительством меры направлены именно на макрорегионы Дальнего Востока и Крайнего Севера, а не конкретно на место их пересечения. При этом тренд на развитие Арктики, выбранный государством, обходит стороной арктические территории Якутии и Чукотский АО, больше концентрируясь на европейском Севере и Севере Сибири с его нефтегазовыми месторождениями. Существующая программа по переселению соотечественников (Указ Президента РФ № 1289 от 14.09.2012 г.) призвана способствовать улучшению демографической ситуации в регионах России, при этом дальневосточные регионы, в том числе и районы Крайнего Севера, считаются приоритетными территориями для привлечения соотечественников. Однако ежегодное прибытие

на территорию дальневосточного Крайнего Севера по данной программе остается низким: сдерживающим фактором выступают суровые природно-климатические условия. Другая мера поддержки — инициированная в 2016 г. программа «дальневосточного гектара» (ФЗ № 119-ФЗ от 01.05.2016 г.) — также не является эффективной. Ее основной целью заявлено привлечение населения с территорий европейской части России, однако среди участников этой программы 86% являются жителями Дальневосточного федерального округа¹. Фактически данная программа может стать фактором, замедляющим отток населения из региона. При этом на Крайнем Севере она встречает трудности с имплементацией, состоящие в противоречии суровых природно-климатических условий с главной целью получения гектара — ведением сельского хозяйства. Согласно данным Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики², большая часть выданных земель получена в южных территориях Дальнего Востока, в то время как количество получателей в северных районах невелико (исключением является Республика Саха (Якутия)). Обе программы не останавливают миграционный отток, но сглаживают его. Еще одним способом как удержания, так и привлечения населения должна стать программа льготной «дальневосточной» ипотеки (Постановление Правительства РФ № 1609 от 07.12.2019 г.). Однако данная программа предусматривает приобретение жилья на первичном рынке в городской или сельской местности и на вторичном рынке — в сельской. При этом спрос на программу в районах Крайнего Севера Дальнего Востока, ввиду медленного строительства новых жилых комплексов и нежелания населения переезжать в сельскую местность, остается низким. Особенно остро эта ситуация стоит в Магаданской области и Чукотском АО, где ввод новых зданий не производился уже давно, что привело к необходимости временно расширить программу на вторичный рынок на всей территории регионов для двух данных субъектов в сентябре 2020 г.

Таким образом, «южный дрейф» и вахтовые поселения являются по сути логичным следствием проблем освоения дальневосточного Крайнего Севера и в какой-то мере — адаптацией местной системы расселения под их влиянием. Этот вариант территориального развития региона может сформировать новые проблемы и вопросы. Например, отдельные исследования показывают негативный эффект непродолжительного пребывания на территории (вахты), формирующего потребительское отношение к окружающей среде [Нуйкина, 2013]. Подобные эффекты создают опасность для хрупкой экосистемы Севера и должны учитываться при разработке социально-экономической политики региона.

Список литературы

- Безруков Л.А. (2015) Политико-географические проблемы делимитации Севера и Арктики России // География и природные ресурсы: 4: 68–80.
- Благодетелева О.М. (2017) Эволюция и современные тенденции развития систем расселения в районах Севера (на примере США, Канады и России) // Вестник Пермского национального

1 По оценкам Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. См.: 85 тысяч человек взяли землю по программе «Дальневосточный гектар» (2020) Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 21.09.2020. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28046/> (дата обращения: 07.01.2021).

2 За 10 месяцев 2020 года 10 тысяч человек получили «дальневосточные гектары» (2020) Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 21.10.2020. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28437/> (дата обращения: 14.12.2020).

- исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика: 3: 5–25.
- Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2017) Демографические вызовы России. Часть третья — миграция // Демоскоп Weekly: 753–754. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения: 03.08.2020).
- Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. (2020) Модернизация социально-экономического развития регионов Северо-Востока России // Регионалистика: 7(5): 5–23. URL: <http://regionalistica.org/images/2020/5/2020-05.5.pdf>
- Замятина Н.Ю. (2020) Арктические города: воля к разнообразию // Проектный офис развития Арктики. URL: <https://goarctic.ru/society/arkticheskie-goroda-volya-k-raznoobraziyu/> (дата обращения: 07.01.2021).
- Зиновьев В.П. (2016) Этапы хозяйственного освоения Северной Азии. Демографический аспект // Вестник Томского государственного университета: 413: 111–114. <https://doi.org/10.17223/15617793/413/17>
- Кумо К., Литвиненко Т.В. (2019) Нестабильность и стабильность в динамике населения Чукотки и ее населенных пунктов в постсоветский период: региональные особенности, внутри-региональные и локальные различия // Известия Российской академии наук. Серия географическая: 6: 107–25. <https://doi.org/10.31857/S2587-556620196107-125>
- Лажнецов В.Н. (2018) Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона: 14(2): 353–65. <https://doi.org/10.17059/2018-2-2>
- Леонов С.Н. (2017) Проблемы формирования рациональной системы расселения населения на Крайнем Севере Дальнего Востока России // Ученые записки. Выпуск 7. Пространственное распределение факторов социально-экономического развития: 45–59. URL: <http://www.ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1207-sci-reports-7>.
- Мкртчян Н.В. (2004) «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки: 4. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/4/zapadnyj-drejfvnutrirossijskoj-migraczii.html>
- Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции (2018) / Е.А. Бурлаев, В.Н. Дьяченко, Е.Л. Мотрич, Н.В. Фещенко / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН: 71 с. URL: <http://www.ecrin.ru/mainmenu-33/1/153-2018-books/1255-motrich-2018>
- Нуйкина Е.В. (2013) Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар: 2(14): 107–16. URL: http://www.izvestia.komisc.ru/archive/i14_ann.files/nuykina.pdf
- Обедков А.П. (2019) Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития: 14(1): 863–70.
- Обедков А.П. (2018) Формирование опорного каркаса северных территорий как фактор модернизации и укрепления российского пространства // Россия: тенденции и перспективы развития: 13(1): 1029–38.
- Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. (2019) Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север: 34: 57–76. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта (2014) Монография / сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос: 200 с.

- Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования (2010) М.: ИГ РАН: 428 с.
- Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. (2019) Анализ и моделирование тенденции развития системы территориального расселения в России // Экономика региона: 15(2): 436–50. <https://doi.org/10.17059/2019-2-10>
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Смирнов А.В. (2018) Влияние миграций на численность и трансформацию социально-демографических структур населения российского севера // Известия Коми научного центра УрО РАН: 4(36): 111–21. URL: http://www.izvestia.komisc.ru/archive/i36_ann.files/FAUZER.pdf
- Чучкалов А.С., Алексеев А.И. (2019) «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая: 6: 18–34. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019618-34>
- Шапаров А.Е. (2019) Миграционные процессы в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития: 14(1): 626–31. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3914/2019_e_rossiia_tendencii_i_perspektivy_razvitiia_14_1.pdf
- Kumo K., Litvinenko T. (2019) Post-Soviet Population Dynamics in the Russian Extreme North: A Case of Chukotka // Polar Science: 21: 58–67. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2018.11.002>

Другие источники данных:

1. 85 тысяч человек взяли землю по программе «Дальневосточный гектар» // Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28046/> (дата обращения: 07.01.2021).
2. За 10 месяцев 2020 года 10 тысяч человек получили «дальневосточные гектары» // Пресс-служба Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28437/> (дата обращения: 14.12.2020).
3. База данных показателей муниципальных образований ФСГС РФ. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 26.01.2021).
4. Всероссийская перепись 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 02.08.2020).
5. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 02.08.2020).
6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 01.08.2020).
7. Гоголев П. Вахта сама не постоит // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/06/reg-dfo/status-vahtovyh-poselkov-nado-zakrepiat-zakonodatelno.html> (дата обращения: 01.02.2021).
8. Максимов А. Вахтовые поселки — это самый нерв территориального развития, от которого зависит качество жизни во многих регионах // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/55766> (дата обращения: 28.12.2020).
9. Паспорта муниципальных образований // Правительство Магаданской области. URL: https://www.49gov.ru/our_region/municipalites/ (дата обращения 28.01.2021).

10. Постановление Правительства РФ № 700 от 10.07.1995 (ред. от 09.09.1996, с изм. от 24.08.2002) «О федеральной целевой программе “Строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей”». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102040407&backlink=1&nd=102036402> (дата обращения: 20.01.2021).
11. Постановление Правительства РФ № 897 от 10.12.2002 «Об утверждении Положения о регистрации и учете граждан, имеющих право на получение социальных выплат для приобретения жилья в связи с переселением из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (с изменениями на 12 октября 2020 г.). URL: <http://base.garant.ru/12129196/> (дата обращения: 21.01.2021).
12. Постановление Правительства РФ от 7.12.2019 № 1609 «Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» и внесенный изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713-р». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73086814/#100632> (дата обращения: 08.01.2021).
13. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (ред. от 27.02.2018) «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённый Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/e0e-a98970eab53abef3339d0a701bed7dd8420a1/ (дата обращения: 01.08.2020).
14. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14.08.2020 № 1377 «Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3204989> (дата обращения: 20.01.2021).
15. Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 (ред. от 24.07.2020) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/ (дата обращения: 12.12.2020).
16. Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25.10.2002 № 125-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 17.07.2011 № 212-ФЗ, от 07.06.2017 № 119-ФЗ, от 20.07.2020 № 228-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102105457&backlink=1&nd=102078517> (дата обращения: 22.01.2021).
17. Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 № 119-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 13.12.2020).
18. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 06.08.2020).
19. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282> (дата обращения: 04.08.2020).

Сведения об авторах

- Чайка Егор Евгеньевич, студент бакалавриата, кафедра региональной экономики и географии экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. E-mail: jkzitr2499@mail.ru
- Мизеровская Ульяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. E-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru